

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА: ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ

Балаклеец Н.А.

Ульяновский государственный технический университет,
кафедра философии, доцент

Статья посвящена осмыслению специфики и основных характеристик современных войн. Автор обосновывается тезис о том, что сегодня происходит стирание некогда четких границ между состояниями войны и мира, а военные технологии укореняются в жизненном мире наших современников. Эксплицирован неоднородный характер войн современности, в которых используются как высокотехнологичные, так и архаичные методы ведения борьбы. Выявлены транс- и постгуманистические векторы эволюции современных войн.

Ключевые слова: война, современное общество, военные технологии, трансгуманизм, постгуманизм

MODERN WAR: VECTORS OF EVOLUTON

Balagleets N.A.

Ulyanovsk State Technical University,
Department of Philosophy, Assistant Professor

The article considers the specifics and main characteristics of modern wars. The author substantiates the thesis that today the boundaries between war and peace that were previously fixed are becoming blurred, and military technologies are taking root in the life world of our contemporaries. The heterogeneous nature of modern wars is explicated, in which both high-tech and archaic methods of warfare are used. The trans- and posthuman vectors of the evolution of modern wars are revealed.

Key words: war, modern society, military technology, transhumanism, posthumanism

Современный этап развития общества характеризуется беспрецедентным ритмом социальной динамики, непредсказуемостью и «взрывным» характером социальных процессов. Концепции человека и общества, которые разрабатываются в наши дни, не могут исключать такие явления, как риск, неопределенность и стохастичность, из описания социальной жизни. Несомненно, эти явления были характерны для предыдущих этапов общественного развития. Однако именно в современную эпоху события, происходящие на локальном уровне, могут стать источником масштабных преобразований и даже глобальных потрясений социальной системы. Если в доиндустриальную эпоху социальные риски в основном были связаны с индивидуальными ошибками в принятии решений, а их последствия были временными и локализуемыми, то теперь риск стал коллективным [2, с. 101], и его последствия нередко затрагивают все население Земного шара. Причиной этого может быть тесное взаимодействие всех элементов социального пространства в глобальном масштабе; взаимозависимость (в том числе информационная) различных субъектов мировой политики и экономики; технологическая обусловленность социальной динамики; проникновение передовых технологий в повседневную жизнь и их доступность широкому кругу людей.

Социальные риски, которые непосредственно влияют на существование современного человека, не в последнюю очередь вызваны внедрением в повседневную практику технологий, изначально предназначенных для использования в специальных областях. Речь идет о военных разработках, призванных повысить эффективность

военных действий и облегчить выполнение боевых задач. Даже способ чувственного восприятия мира, характерный для современного человека, несет на себе отпечаток военной перспективы наблюдения, в принципе, противоестественной для повседневного бытия человека дотехнологической эпохи. Однако этот противоестественный, технологически детерминированный способ мировосприятия со временем настолько прочно вошел в нашу повседневность, что стал восприниматься как вполне тривиальный.

Технологии и объекты, несколько десятилетий назад доступные для узкого круга лиц, сегодня перестают эпатировать публику и стали неотъемлемым элементом жизненного мира современного человека. В нашей жизни прочно обосновались фотоаппараты с мощными зуммерами, кинокамеры, гаджеты, позволяющие управлять разнообразными потоками информации. Устройства для визуального и звукового контроля, накопители информационных данных, спутниковые навигаторы и прочие технические изобретения применяются далеко за пределами военной сферы, которая, в свою очередь, ежегодно пополняется все новыми и новыми разработками. Беспилотные летательные аппараты (дроны) уже активно применяются не только военными или спасателями, но и для патрулирования территорий, борьбы с браконьерами, аэрофотосъемки, для создания видеофильмов, доставки грузов в труднодоступные местности, просто в качестве «умных» игрушек и для многих других целей. При этом одним из важнейших условий, позволяющих использовать военную технику для невоенных целей, является ее миниатюризация. Показательно, что сегодня смертоносное оружие маскируется под вполне мирные объекты. В боевых действиях уже участвуют так называемые «кремниевые насекомые» – летающие микродроны, способные выполнять боевые задачи (прослушивание, ведение съемки и, при необходимости, уничтожение людей). Многотысячные или многомиллионные стаи «кремниевых насекомых», управляемых с помощью специальных алгоритмов, способны обезвредить и боевую технику противника. Вместе с тем, в США существует проект использования подобных мобильных роботов и в сельскохозяйственных целях, в качестве «искусственных пчел», поскольку из-за применения трансгенов пчелиные семьи вымерли на одной трети территории данной страны [5, с. 26]. В этой связи уместно отметить, что идея о микроармии, состоящей из миниатюрных роботов-насекомых (керамических микрорачков, титановых червячков, смертоносных псевдоос), была высказана еще Станиславом Лемом в его эссе «Системы оружия двадцать первого века, или Эволюция вверх ногами» [10].

Постепенно структурные элементы военной деятельности встраиваются в публичную и частную жизнь наших современников, а в обществе в целом усиливаются дисциплинаризация, взаимное наблюдение и взаимный контроль его членов, следствием чего выступает необходимость постоянной самодисциплины и самоконтроля, самоограничения как в физическом, так и в виртуальном пространстве. Перспектива военного наблюдателя не просто стала использоваться в мирное время, постепенно она становится нашей повседневной перспективой восприятия мира [1].

Современные войны, безусловно, обнаруживают специфические характеристики, отличающие их от вооруженных конфликтов прошлого. Как и другие феномены социальной жизни, война на протяжении истории человечества претерпела значительные трансформации. Знаменитому немецкому генералу и военному теоретику Карлу фон Клаузевицу принадлежит сравнение войны с хамелеоном, постоянно меняющим свою природу сообразно с конкретными обстоятельствами [7, с. 58]. Таким образом, становится очевидной проблематичность универсальной и всеобъемлющей дефиниции войны, которая была бы применима по отношению к разнообразным вооруженным противостояниям различных эпох. По свидетельству Кристофа Берлиха, в XX столетии в теоретической мысли произошла кристаллизация двух противоположных друг другу направлений, каждое из которых претендовало на окончательное обоснование природы войны. С одной стороны, война рассматривалась как некая аномалия, обусловленная

кризисом или коллапсом системы международных отношений, либо как свидетельство незрелости того или иного народа. С другой стороны, война трактовалась как нормальный элемент системы международных отношений, отнюдь не являющийся патологией [15, с. 10]. В 1959 году вышла в свет работа американского политолога Кеннета Уолтца «Человек, государство и война», в которой были выделены следующие факторы, обосновывающие неизбежность войн: во-первых, человеческая природа; во-вторых, характер общества; в-третьих, особенности международной системы. На уровне сложившейся системы международных отношений война представляет собой крайнее средство разрешения возникающих конфликтов [15, с. 10]. Это представление о войне как о способе разрешения политических конфликтов, результате рационального, взвешенного политического решения, учитывающего все возможные риски военной интервенции, впервые встречается в трактате «О войне» уже упомянутого нами Клаузевица. Вместе с тем, представление о войне, характерное для немецкого теоретика, сегодня уже не может быть признано универсальным. Война в его понимании является противостоянием суверенных государств как законных или признанных врагов, а человек, ведущий войны, *Homo bellator*, для Клаузевица – это, прежде всего, представитель регулярной армии суверенного государства.

В наши дни философская и социально-гуманитарная мысль направлена на определение специфики современных войн, которые рассматриваются в сравнении с вооруженными столкновениями прошлых эпох.

В современную эпоху появляются новые виды войн, среди которых исследователями выделяются гибридные войны, информационные войны, кибервойны, финансовые войны и др. Трансформацию претерпели и традиционные войны, ведущиеся в различных точках Земного шара. По свидетельству ряда авторов, войны, которые ведутся в бывших странах второго и третьего мира, принципиально отличаются от классических войн тем, что их субъектами выступают не государства, а различные квазигосударственные и негосударственные формирования. Активными участниками современных войн или конфликтов низкой интенсивности являются частные военные компании, постоянно расширяется сфера частных военных услуг, вследствие чего монополия на насилие как прерогатива суверенного государства ставится под сомнение. Для ряда вооруженных конфликтов современности характерно стирание границы между комбатантами и некомбатантами. По свидетельству Мартина ван Кревельда, для жителей ряда регионов планеты «обыденностью стал тот факт, что сегодня в ходе вооруженного насилия не существует разграничения между правительством, армией и населением» [8, с. 93]. Размываются характерные для традиционных войн понятия фронта и тыла. Как отмечает Кревельд, рассуждая о возможном характере войн будущего, их актерами будут не комбатанты, облаченные в традиционную униформу со знаками отличия, но «войска», напоминающие отряд полицейских или пиратов, «война будет намного сильнее затрагивать большинство гражданского населения вплоть до того, что данное понятие исчезнет или поменяет смысл» [8, с. 281].

История войн XX и XXI столетий демонстрирует ослабление значимости методов ведения борьбы, характерных для регулярных войск, и возрастание роли иррегулярных бойцов в военной деятельности. Нелинейная, непоследовательная тактика ведения боя, свойственная партизанским отрядам, террористам, повстанцам, постепенно перестает рассматриваться в качестве нелегитимных или вспомогательных военных действий и получает широкое распространение в войнах современности. Еще в 1960-е годы выдающимся отечественным военным теоретиком, жившим в эмиграции, Е.Э. Месснером была предложена концепция «мятежевойны». В данной концепции по сути провозглашалось вступление человечества на стадию Третьей мировой войны, которая демонстрирует принципиальные отличия от прежних типов «воевания» (термин Е.Э. Месснера). Автор описывает пограничное состояние человечества, не допускающее возможности проведения четкой границы между миром и войной в их традиционном

понимании. Согласно выводам военного теоретика, человечество после окончания боев на фронтах Второй мировой войны вступило в новую фазу противоборства, которая характеризуется «воеванием в стиле мятежа». Мятежевойна – это война нового типа, которую ведут уже не войска регулярной армии, а иррегулярные бойцы – партизаны, террористы, диверсанты, пропагандисты, вредители. Таким образом, как утверждает Месснер, «иррегулярная сила стала мощным фактором войны» [13]. Партизанские методы ведения войны сегодня утрачивают роль придаточных по отношению к действиям регулярных войск, более того, они начинают проникать в армейскую стратегию [10].

В исследовании британского автора Мэри Калдор сделан вывод о «приватизации» насилия, которая характерна для так называемых «новых» войн, охвативших планету начиная со второй половины XX века. Так, согласно выводам исследователя, участниками войн в наши дни становятся множественные боевые формирования, причем, государственные акторы в них смешиваются с негосударственными. Детальная классификация участников войн современности, предложенная Калдор, включает пять типов боевых формирований. Во-первых, в войнах современности участвуют регулярные вооруженные силы государства (которые, по мнению автора, находятся сегодня в состоянии распада). Во-вторых, речь идет о военизированных группах (автономных боевых отрядах, комплектуемых из вооруженных мужчин, во главе которых, как правило, находится один лидер). Членами военизированных групп могут выступать как бывшие комбатанты, уволенные в связи с сокращением численности солдат, так и обыкновенные преступники. В-третьих, к участникам войн относятся отряды самообороны, организованные из добровольцев, целью которых является защита от врага своих населенных пунктов. В-четвертых, к ведению войны привлекаются иностранные наемники (как отдельные лица, так и целые организации). Наконец, в-пятых, значимым является присутствие регулярных иностранных войск, которые, как правило, действуют под эгидой международных организаций: ООН, НАТО или ОБСЕ [6, с. 198-205].

Наряду с возрастанием степени неоднородности акторов современных войн в мире происходит дифференциация стратегий и способов ведения войны, что можно объяснить неравномерными темпами развития отдельных государств и регионов. Неоднородность экономического развития, различный объем политического капитала, социокультурные особенности обществ не могут не отражаться на способах ведения войны. В этой связи мы полагаем уместным проведение по отношению к войнам современности аналогии с ветхозаветной притчей о Давиде и Голиафе. Как повествует библейская история, знаменитый филистимлянский силач Голиаф, облаченный в мощные доспехи, был не в силах противостоять простому израильскому пастуху Давиду, не имевшему никакого другого оружия, кроме пращи. Здесь мы имеем дело с асимметричным поединком двух соперников, изначально находившихся в разных «весовых категориях», исход которого оказался непредсказуемым. Как явствует из приведенной притчи, победа в вооруженном противостоянии отнюдь не всегда достается стороне, превосходящей другую сторону конфликта в техническом отношении, обладающей современным оружием и другими мощными ресурсами для ведения боя. Парадоксально, но слабость может одержать верх над силой. Иррегулярные, проигрывающие в техническом оснащении участники войн могут оказаться более эффективными в сравнении с вооруженными до зубов бойцами регулярной армии, прошедшими специальную военную подготовку, привыкшими к дисциплине и военной культуре приказа.

На наш взгляд, и в современном мире обнаруживаются две стратегии ведения войны, которые соответствуют парадигмам Голиафа и Давида. И сегодня мы можем выявить парадоксальные примеры противостояний технологической мощи и архаичного насилия. Безусловно, современные Давиды и Голиафы демонстрируют принципиальные отличия от своих ветхозаветных прототипов. Прежде всего, следует указать на трансформацию высокотехнологичной войны в направлении ее деантропологизации, перехода на стадию постчеловеческого противостояния. Высокотехнологичные Голиафы

далеко не всегда выступают в роли непосредственных участников боевых действий, но делегируют свои функции «умному» оружию. Стремление устранить человеческий фактор, служащий источником многочисленных «трений» (термин К. фон Клаузевица), т.е. помех в осуществлении военной деятельности, характерно не только для войн современности. Как отмечает Мануэль Деланда, «веками военные командиры мечтали об устранении человеческого фактора с поля боя. <...> Чтобы полностью исключить человеческий глаз из цикла принятия решений, военные заявили о своих намерениях создать роботизированные вооружения, то есть машины, способные на автоматическое определение цели и распознавание врага и друга. <...> важно то, что, хотя для создания действительно автономных вооружений понадобятся совершенно новые и радикальные шаги в области ИИ, так что, возможно, это дело далекого будущего, *желание* наделить машины подобными хищническими способностями уже закрепилось в среде военных» [4, с. 182-184].

«Трения» в военной деятельности, обусловленные антропологическими факторами, весьма многообразны. К ним относятся как упомянутые выше сугубо когнитивные проблемы, связанные с необходимостью принятия важного для ведения войны решения, так и весь комплекс проблем, связанных с необходимостью материально-технического обеспечения комбатантов, поддержания их физической формы и морального духа.

В свете сказанного понятными становятся транс- и постгуманистическая траектории эволюции современных высокотехнологичных войн. В широком смысле слова термин «трансгуманизм» обозначает «набор мировоззренческих установок, связанных с улучшением биологических свойств человека за счет технологического прогресса» [12, с. 187-188]. Применительно к войне трансгуманизм проявляется в разработке модели «солдата будущего», которая основана на интеграции человека в целостную электронную систему управления боем, регулируемую компьютерной техникой. Речь идет не о полной деантропологизации войны, но об участии в военной деятельности «нечеловека» – «солдата будущего». В современном обществе воин подлжит такой технологической трансформации, в результате которой происходит усовершенствование биологических функций его организма, повышается его выносливость, увеличивается интеллектуальный потенциал и в целом повышается эффективность и минимизируются риски военной деятельности.

Проводятся разработки по созданию суперсовременной экипировки для солдата, который должен быть оснащен по последнему слову техники. К примеру, экипировка «Ратник», которая уже введена в эксплуатацию в подразделениях российской армии и постоянно совершенствуется, представляет собой модульный комплекс, состоящий из целого ряда взаимосвязанных элементов. Этот комплект для ведения боя включает в себя шлем, оснащенный специальным монитором и системой ночного видения, и быстросъемный бронежилет, выполненные из композитных материалов, спецодежду, оснащенную электронным оборудованием, и целый ряд прочих элементов и подсистем, использование которых призвано повысить эффективность и безопасность военной деятельности и наладить бесперебойную связь бойца с командиром подразделения. В будущем планируется снабдить военную экипировку экзоскелетом, который существенно повысит выносливость бойца [14]. По сути, высокотехнологичный сценарий войн настоящего и будущего приводит к трансгуманистической перспективе: действия человека корректируются, усиливаются или маскируются благодаря использованию компьютерных технологий и ресурсов дополненной реальности.

Использование в современных войнах беспилотных летательных аппаратов (дронов) дает возможность дистанционного уничтожения врага, без необходимости принесения в жертву солдат собственной армии.

Уже во 2-й половине XX столетия на военную стратегию стали оказывать влияние компьютерные игры, в частности американской корпорацией RAND начали разрабатываться сценарии компьютерных войн, предполагающих полное исключение

человека из цикла принятия решений [4, с. 151]. Один из возможных сценариев войн будущего предполагает возможность их перехода на постгуманистическую стадию. Однако такая постчеловеческая война, в которой компьютерные программы принимали бы собственные решения, сама послужила бы источником не менее серьезных проблем, как когнитивных, так и этических. В частности, использование искусственного интеллекта в сфере человеческой деятельности осложняется тем обстоятельством, что процессы вычисления, свойственные интеллектуальным машинам, принципиально отличаются от человеческого понимания [3, с. 1356]. Не менее значимыми являются моральные проблемы и риски, вызванные взаимодействием человека и умной машины или – при радикальном сценарии будущего – возникновением постгуманистической перспективы полного замещения человеческого разума суперинтеллектом компьютера. Как это ни парадоксально, кибервойна, ведущаяся без участия человека (если таковая когда-либо будет иметь место), будет гораздо более жестокой, чем человеческие кровопролитные противостояния. Данный вывод может быть проиллюстрирован на примере различия поведения участников военных компьютерных игр – людей, способных вовремя остановиться, не допустив фатальной эскалации конфликта, и безжалостных машин, реализующих самые жестокие сценарии войн: «С одной стороны были роботы, способные (после небольшой подгонки) безо всяких опасений развязывать атомную войну, а с другой – люди, которые обычно не были к ней готовы» [4, с. 151].

Таким образом, сегодняшние реалии показывают, что война – это не только кровопролитные схватки и бомбардировки вражеской территории, утомительные марш-броски и изматывающая блокада осажденных городов. Наряду с сохраняющимся резервом традиционных армий мира в войнах участвуют кибербойцы, использующие ресурсы новой сферы ведения войны – киберпространства. Показательно, что если современные теоретики могут отказывать такому новому виду решения конфликтов, каким является кибервойна, в праве на онтологический статус (упомянем, в частности, знаменитую работу Томаса Рида, объявившего эту угрозу человечеству «мифом» [16]), то сами военные относятся к кибервойне весьма серьезно, о чем свидетельствует, к примеру, заявление американского военного стратега Уильяма Линна о том, что киберпространство для военных операций имеет такое же значение, как суша, море, воздух и космическое пространство [16, с. 12].

Как явствует из вышеизложенного, современные Голиафы, скрывающиеся за мощной компьютеризированной экипировкой или вовсе делегирующие свои полномочия автономным боевым системам или кибероружию, демонстрируют отказ от идеи жертвенности, героизма и готовности пойти на смертельный риск в непосредственной схватке с противником. В этой связи далеко не случайным является появление термина «постгероические общества», который используется для обозначения лидеров постиндустриального мира [11, с. 172].

Вместе с тем, в ряде регионов мира война по-прежнему остается сугубо человеческой деятельностью, которая не подкреплена мощным технологическим инструментарием, и подпитывается жертвенностью и готовностью пойти на смертельный риск: насилие вершат иррегулярные бойцы, террористы-смертники, использующие подрывную силу примитивного, зачастую, самодельного, оружия. В этих условиях высокотехнологичный Голиаф мог бы с легкостью одержать победу над мятежным Давидом, но применение одной лишь технической мощи не приведет к разрешению политического конфликта, который рискует перейти в затяжную фазу. Тем самым, современный Голиаф вынужден искать альтернативные способы в деле достижения победы над соперниками: им реабилитируется дискурс о справедливой войне, который призван оправдать силовые превентивные меры в борьбе с мятежниками и террористами, моделируются сценарии кибервойн или предлагается стратегия «перепартизанить партизан» (Д. Хэкворт) [10].

Таким образом, настоящее исследование показало, что война в многообразии своих форм утрачивает статус экстраординарного события социальной жизни. Современные войны характеризуются неоднородностью их акторов, переплетением разнообразных – регулярных и иррегулярных, высокотехнологичных и архаичных – стратегий и способов их ведения. Транс- и постгуманистические векторы эволюции войны, отчетливо проявляющиеся в наши дни, отнюдь не свидетельствуют о прекращении или ослаблении насилия в мире, но, напротив, демонстрируют уклон в сторону дегероизации и все возрастающей дегуманизации современных войн.

Список литературы

1. Балаклеец Н.А. Война и государство в современную эпоху // Социодинамика. 2019. № 12. С. 103-110. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31227. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_31227.html (дата обращения: 18.06.2020).
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. 248 с.
3. Голенков С.И. Искусственный интеллект и проблема понимания // Перспективные информационные технологии (ПИТ 2018). Труды Международной научно-технической конференции. Под редакцией С.А. Прохорова. Самара: Самарский научный центр РАН, 2018. С. 1353-1357.
4. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 338 с.
5. Иванов В., Малинецкий Г. Наука и войны будущего (доклад Изборскому клубу) // Изборский клуб. Русские стратегии. 2015. №5 (29). С. 6-36.
6. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
7. Клаузевиц К. О войне. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. 448 с.
8. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. 320 с.
9. Лем С. Системы оружия двадцать первого века, или Эволюция вверх ногами [Электронный ресурс] URL: <http://alternathistory.com/stanislaw-lem-sistemy-oruzhiya-xxi-veka/> (дата обращения: 27.06.2020)
10. Линд У., Тиле Г. Руководство по ведению войны четвертого поколения [Электронный ресурс] URL: <http://www.lander.odessa.ua/doc/lind-rukovodstvo-po-vedeniyu-voynychetvertogo-pokoleniya.pdf> (дата обращения: 18.06.2020).
11. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
12. Нестеров А.Ю. Проблема человека в свете идеологии эволюционного трансгуманизма // Глобальное будущее 2015: Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Изд-во МБА, 2013. С. 183-192.
13. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/science/messner_ea01/index.html (дата обращения: 07.07.2020).
14. Экипировка для «солдата будущего»: от «Ратника» до «Сотника» [Электронный ресурс] URL: <https://rostec.ru/news/ekipirovka-dlya-soldata-budushchego-ot-ratnika-do-sotnika/> (дата обращения: 15.07.2020).
15. Berlich Chr. Was ist dran am Cyber-Krieg? Eine Analyse moderner Kriegsführung am Beispiel des russisch-georgischen Krieges. 2008. Hamburg: disserta Verlag, 2016. 198 S.
16. Rid Th. Mythos Cyberwar: Über digitale Spionage, Sabotage und andere Gefahren. Hamburg: Edition Körber, 2018. 347 S.